

УДК 130.2

ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ П.Е. АСТАФЬЕВА И А.А. КОЗЛОВА**Д.А. РЕПИН¹**
С.Е. ЮРКОВ²*Тульский
государственный
университет*¹*e-mail:*
*repin.dmitrij@mail.ru*²*e-mail:* *serg45@inbox.ru*

В статье рассматривается проблема времени как формы субъективного мышления. Прослеживается степень влияния идейного наследия немецкого метафизического персонализма Густава Тейхмюллера на философию персонализма П.Е. Астафьева и А.А.Козлова в этом вопросе. Доказывается, что идея времени, не только связана с нашим сознанием, но она выступает определенного вида координацией в онто-гносеологическом опыте между субъектом и объектом.

Ключевые слова: субстанция, время, пространство, делимость, детерминация, деятельность, самосознание, психическая координация, духовная субстанция, Высочайшая Субстанция.

В религиозной философии Петра Евгеньевича Астафьева обнаруживается множество самостоятельных идей, к которым он пришел при изучении и исследовании наследия немецких мыслителей, психологов и философов. Сопоставлению точек зрения двух профессоров Дерптского юридического университета в контексте проблемы времени, как формы субъективного мышления была посвящена полемика П.Е. Астафьева и А.А. Козлова.

Вопрос о времени, связан с понятием и определением субстанции, данным одним из выдающихся исследователей русской философской мысли А.А. Козловым (1831-1901) – основоположником русского персонализма.

Спор о субстанции, поднимался в философской полемике П.Е. Астафьева с А.А. Козловым, однако нам он важен в контексте рассмотрения определения и выяснения того положения, – как в данной полемике русский панпсихист приходит к утверждению вечной неизменной духовной субстанции в мироздании. Основанием для нее послужило философское недоумение, – что считать непосредственно данным сознанию – субстанцию или акт? Вместе с тем, необходимо отметить, что выяснение этого вопроса базировалось на прояснении фундаментальных метафизических категорий персоналистической мысли двух мыслителей, – духовной сущности и ее проявления в мире.

При этом линия противостояния проходила на основе разграничения знания и сознания. Впервые об этом разграничении говорит немецкий персоналист и психолог Герман Рудольф Лотце, который используя психологический метод, утверждает бытие сознательного «Я» как знающего о себе непосредственно. В философском трактате «Микрокосмос» он из этого утверждения делает вывод: следовательно «Я» знающее о себе выступает персонализированной категорией, которая является фундаментальной в построении видимого мира. Отсюда, «Я» знает о себе должно сознавать себя в бытии.

Следуя монадологическому учению Г. Лейбница, русский панпсихист акцентирует внимание оппонента на факте непосредственного сознания субстанции о самой себе. То есть полагает, что личности присуще (имманентно) сознание метафизического характера, – сознание своей сущности. Знание же она приобретает, исходя из внутренних психически-обусловленных деятельностей и их содержаний, удостоверяя тем самым себя в бытии. Оппонент А.А. Козлова – П.Е. Астафьев, полагал, что знание свойственно сознающей себя деятельности, волевой активности в контексте метафизики. П.Е. Астафьев отвергал существование субстанции как онто-гносеологической единицы в познании окружающего мира. Нам дается субстанция неизменная, не подверженная внутреннему «движению». Примечательно, что позднее как бы трансформируя схожее положение о субстанции – внутренне неизменной онто-гносеологической единицы, А.А. Козлов вводит понятия интенсивности сознания, предполагая, что какие-то изменения ее все же должны существовать.

На наш взгляд в начальном фазисе данной полемики сконцентрирован центральный принцип построения философских систем персонализма двух мыслителей. Он раскрывается в использовании следующей аргументации: личность знает о себе, непосредственно, она ведает себя в своей сущности, – данный вид знания свойственен личности внутренне и проявляется внутренним образом.

В тоже время, она полагает себя в мире как сущее, а положение в мире как сущего означает выводимость категории бытийственности – онтологичность личности. Значит, единственная мысль, заключается в том, что субстанция вечно имеет свою неизменную, индивидуальную природу, независящую от пространства, времени и причинности и что она сообразно этой природе действует.

А.А. Козлов, выводит законченной фразой уже мысли оппонента, которые тот приписывает ему: «однако это должно «означать, что 1) субстанция должна быть бытием вне условий пространства, времени и причинности» 2) что пространство, время и причинность суть условия опыта. 3) что субстанция «должна быть трансцендентною» и что «она своей деятельностью, производит весь мир явлений в пространстве и времени и притом явлений не только материальных, но и явлений сознания»¹. Неизменность субстанции подразумевает под собой такие категории философии, как ее статичность, несмотря на количественные и качественные изменения, происходящие в природе и окружающем мире.

Естественно, что деятельность и функции субстанции согласно мысли неолейбнищанского русского мыслителя, – должны говорить об активности и самой ее. Однако если фактически Высочайшая Субстанция порождает все многообразие представляющегося нашему сознанию мира, то она не может быть пассивной. По аналогии с Ней и сущие (то есть духовные субстанции) действуют в этом мире. Аналогичность вводится нами (метод аналогии) не как метод в онто-гносеологической характеристике связи субъекта с объектом, человека с объектом, либо субстанции с предметом, а как метод попытки понимания устройства мироздания и его принципов, применение которого охватывает многообразие сущего и конкретизирует в нем человеческий мир. Согласно с этим, и не принимается П.Е. Астафьевым утверждение его оппонента о неизменности субстанции.

С данной точки зрения, прослеживается нами значительное расхождение двух философов, где для одного деятельность всегда активна – субстанция проявляет себя в ней, а для другого субстанция и деятельность разграничены, но деятельность есть результат развития одной и той же субстанции. Субстанция и деятельность соотносятся, как производящее начало и производимая функция.

В представленной связи, субстанция «переходит» из пассивного состояния в активное, тем самым она выражается деятельностью, то тогда рождается отношение динамического самовыражения субстанции, – силы, приводящей функции субстанции в движение. Движение как психически-обусловленная сменяемость одних состояний другими в сознании личности опосредуется внутренними актами психики. Проекция данных актов сознания внутреннего опыта на внешнюю данность, формирует понятие действительности, – движущихся материальных субстанций.

Отсюда, очень существенную мысль высказывает Е.А. Бобров, полагая, что изменчивость состояний сознания, их активность и интенсивность способствует пониманию координации состояний внутри нашей личности, так вслед за Г. Тейхмюллером он вводит понятие психической координации, где бы эти состояния в их изменениях и сменяемости зависели от единого центра.

Несмотря на это, движущиеся материальные субстанции в окружающем мире объектов формально дают понимание временных процессов, поскольку для их восприятия необходима пространственно-временная характеристика. «Материальность же д в и ж у щ и х с я субстанций предполагает их пребывание во времени и пространстве (причем понятие атома, как неделимой части пространства, стоит в противоречии с бесконечной делимостью пространства) – от чего свободны «идеи» универсалистов; это заставляет ви-

¹ Козлов А.А. Объяснение с П.Е. Астафьевым/А.А. Козлов// Свое Слово. 1889. № 2.С. 141.

деть в двух главнейших космологических категориях пространства и времени нечто сущее транссубъективно, т. е. вне или к р о м е мыслящего субъекта»².

Следовательно, разграничение временных процессов и мыслящего субъекта полагает время транссубъективно, но в таком случае либо время должно обладать трансцендентным «существованием», то есть быть вполне независимо от мыслящего субъекта, либо быть одним из важнейших оснований материальности. Для нас здесь существенно то, что Е.А. Бобров предположил существование времени транссубъективно – мы доказываем – выступает с одной стороны данного вопроса. В развитии учения о времени А.А. Козлов опирается на понимание времени Блаженным Августином, приведенное им в Книге 11 «Исповеди». Необходимо, кратко рассмотреть это учение.

При рассмотрении вопроса о времени, на первый взгляд становится важным то, что, во-первых, время присутствует в сознании сменяемостью своих состояний, отсюда согласно мыслителю, никогда нельзя говорить о точном понятии сущности времени. Во-вторых, сменяемость времени граничит с постоянной изменяемостью его, то есть трансформацией состояний психически-обусловленных, подверженных «воспоминаниям», тому, что будет и то, что есть. Отсюда, изменяемость затрудняет конкретизацию того или иного видоизменения времени – настоящее, опосредуется прошлым, которое стремится к небытию, потому прошлое с философской точки зрения иллюзорно, будущего – еще нет, и оно неизвестно. Время также не может быть измерено: в чем заключается продолжительность того или иного времени? Говоря о прошлом, мы не можем сказать, сколько оно длилось, какой продолжительностью оно было обусловлено. Так как, нельзя ничего сказать о предмете, которого нет, предмет прошлого стремится к исчезновению.

Настоящее как бы сознательно его не делили на столетие, век, год, месяцы, дни, часы, минуты, секунды и т.д., все эти деления условны и мало уловимые, поскольку также и прошлое стремится к минимуму продолжительностей. А фиксируемые события настоящего времени могут быть только «неуловимыми мгновениями», но они уже не имеют никакой продолжительности. И действительно, если предмет прошлого – в небытии, а настоящее время стремится к минимуму продолжительности, и будущее еще не наступило и неизвестно; то, стало быть, можно было бы сделать вывод о том, что и время само полностью стремится к небытию и может исчезнуть навсегда.

Однако и прошлое, и настоящее существуют. Но каковы принципы их существования? Они выступают образами нашей души, следовательно, и прошлое не воспоиналось бы, и настоящее не было бы настоящим, и будущее не настало бы, если душа не воплощала прошлое и прошлые события в настоящем. Именно в настоящем существует и прошлое и будущее. Такая позиция взгляда на время, вызывает самое серьезное противоречие: если прошедшее в своих прошлых событиях стремится к небытию, ускользает от «зрителя», который созерцал его как настоящее, вероятно оно вовсе должно забыться.

Исходя из вышесказанного, Августин Блаженный в критике учения которого А.А. Козлов развивает уникальную «философию времени», констатирует – душа запоминает и воспоминает прошлые события.

Но как быть с будущим? Ведь оно не может быть настоящим, если его еще нет. «В нашей душе есть три формы восприятия, соответствующие трем несуществующим временам: а) *память* или *воспоминание* (*memoria*) для настоящего прошедших предметов б) *созерцание* или *воззрение* (*intuitus*) для настоящего настоящих предметов и в) *чаяние* или *надежда* (*expectatio*) для настоящего будущих предметов»³.

Блаженный Августин делает удивительную вещь, опровергая самого себя, что в нашем сознании время является непосредственным условием движения тел, измерением этого движения, само же нисколько не измеряется и не может быть подвержено измере-

² Бобров Е.А. Бытие индивидуальное и бытие координальное. Юрьев. Печатано в типографии Германа. 1900. С. 13.

³ Блаженный Августин. Исповедь/ Августин Блаженный. – М.: Сретенский монастырь, 2006. – С. 242.

нию уже в метафизическом контексте проблемы времени. Время «есть само по себе некоторое действительное протяжение (*certa quaedam distentio*)»⁴.

Говоря о протяженности «пространства», мы невольно связываем понятие протяженности пространства с понятием протяженности во времени той или иной вещи, того или иного тела. Протяжение пространства еще можно измерить: например, пространство слов, измеряется пространством определенных входящих в эти слова слогов, - длинных и коротких, а как измерить пространство времени? Времена проходят и исчезают, становясь лишь мгновениями, «(моментами)», также нельзя говорить о времени в рамках одного понимания движения, - время фиксирует и состояния покоя вещи, тела и.т.п., время возможно существует как «протяжение души»⁵.

Учение о времени Блаженного Августина критикует А.А. Козлов, считая, что в нем существует определенная неясность относительно того понятия которое образует собой настоящее. Настоящее принимает у учителя Церкви форму универсальную. Он его сравнивает со своеобразным сосудом, который наполняют события и явления. Мы здесь будем опираться дальше на взаимосвязь, которую сам русский персоналист прослеживает между его мыслью и более сложной мыслью Густава Тейхмюллера о времени, чтобы выявить особенности их философских систем, базировавшихся на метафизическом учении о всеобъемлющей, духовной субстанции - панпсихизме.

Критикуя идею настоящего, А.А. Козлов, тем самым дает понять, что само настоящее может быть мыслимо безотносительно к прошлому и будущему, - к прошлым и будущим событиям. То, что от этого зависит не только правильное понимание времени, но и достоверное понимание того, как и каким образом и Тейхмюллер и Козлов приходят к идее метафизической безвременности мироздания, - выступает для нас одним из центральных положений их философских систем. Время прошедшее и будущее столь же независимы от настоящего, сколько зависимы от условий мышления, как объективного процесса. Г. Тейхмюллер и А.А. Козлов по-разному понимают результаты, к которым они приходят.

Персонализм Тейхмюллера важен для него в первую очередь с позиции времени, проявляющей вопрос об индивидуальном существовании личности. Он идет от критики бесконечности пространства, тогда как русский персоналист видит прямую связь времени и пространства с ограничениями мыслящей субстанции, то есть исследует вопрос времени в онто-гносеологическом аспекте.

Если следование Г. Лейбницу и у того и другого философов является основополагающим принципом их системы, то и в вопросе историко-философской преемственности идеи времени они не могут исключить понимания к которому приходит этот австрийский мыслитель. Первым принципом, от которого исходят два философа, явилась критика бесконечности пространства, из которой впоследствии Лейбниц выводит понятие монады. «Бесконечная делимость пространства не допускает мыслить эти гипотетические последние элементы (атомы) протяженных тел пространственными, он отбросил от атомов свойство пространственности и пришел к необходимости мыслить *безпространственными единицами*, но рассуждая дальше, что из безпространственных единиц не могут произойти протяженные тела, Лейбниц приходит к дальнейшему заключению, что само пространство есть только *феномен*, или видимость, и что, следовательно, протяженная материя есть нечто кажущееся, а не реальность, которой может быть признана только наша душа или что-либо ей аналогичное»⁶.

Но что на первый взгляд непонятно, так это почему Лейбниц отрицает существование пространства? Если пространство иллюзорно, то в таком случае оно должно быть продуктом нашего сознания, нашего понимания и своего рода «кодификации» опреде-

⁴ Козлов А.А. Беседы с Петербургским Сократом. Беседа седьмая (понятие времени)/А.А. Козлов//Свое Слово. 1890. № 3. С. 11-12.

⁵ Блаженный Августин. Исповедь/ Августин Блаженный. - М.: Сретенский монастырь, 2006. - С. 247.

⁶ Козлов А.А. Густав Тейхмюллер/А.А. Козлов// Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 4 (24). С. 533. С. 141.

ленных объектов окружающей действительности и их сознательной упорядоченности. В таком положении видит пространство, а затем и время Г. Тейхмюллер.

Идея порядка, указывает на понятие времени, которое выполняет функцию координации между субъектом и объектом в познании, таким образом, оно не может быть исключительно транссубъективно, так как входит в содержание сознания мыслящей субстанции, однако оно не может быть и исключительно имманентно сознанию, так как внешний опыт фиксирует временные процессы в окружающей нас действительности.

Таким образом, вопрос о транссубъективности времени может решаться только в границах нашего же сознания, и трансцендирования (переноса) на материальные субстанции внутренних состояний, переживаемых нашей субстанцией (состояний психически-обусловленных), в нас, – к этим состояниям относятся и наши чувства и желания. «Чувства, желания и движения только сознаются, а вовсе не суть познания, которые состоят из образов (Anschauungsbilder), понятий, суждений и умозаключений; а между тем мы постоянно говорим, думаем, рассуждаем о первых так, как будто бы и они были также познаниями.Эта проблема и разрешается у Тейхмюллера теорией значковой (semiotisch) или символического познания, где в обычные элементы специфического познания как бы вплетается значек или намек на то, что всем и каждому мыслящему доступно из его индивидуального сознания и чем каждый дополняет от себя образы, понятия, суждения, умозаключения, т.-е. намек на чувство, волю и движение (ощущение)»⁷.

Густав Тейхмюллер считал, что понятия, умозаключения, суждения, как логические конструкции подвергаются нами намеренно приписыванию понятия «существования». Но поскольку еще Кант установил связь между понятиями и явлениями, которые они именно обозначают, постольку и сопутствуют нашему специфическому познанию те символические «образы», отображающие некую деструктурированную нашим сознанием действительность. Впрочем, мы мыслим согласно А.А. Козлову методом аналогии, когда приписываем сознательно одному и тому же объекту те вторичные свойства, о которых мы узнаем вследствие восприятия других объектов, и сознательно по схожести их с изучаемым нами объектом.

Следовательно, по мере сознательного отношения к этим предметам, мы уже узнаем и о своем предмете, но используем аналогию и намек, устанавливая символическую связь между субъективным восприятием вещи и тела и априорным содержанием нашего сознания.

Исходя из вышеизложенного, в полемике П.Е. Астафьева с А.А. Козловым формируется окончательное понимание времени, как перспективной формы координации для идейного содержания, возникающего вследствие наших реальных действий. А.А. Козлов опирается на категорию души, понимаемую немецким персоналистом «Я безвременным и безпространственным». «Я безвременное и безпространственное» полагает в себе перспективную форму координации – время, а также перспективно оно мыслит окружающий мир. Отсюда, если психическая координация состояний сознания, обусловленная внутренним центром – «Я», влечет за собой перспективную координацию и иерархию субъектом онто-гносеологического опыта предметов и объектов, окружающей действительности, то для русского персоналиста ограничение существа во внешнем опыте познания временем и пространством утверждает гипотетически бытие координальное духовных субстанций с Богом.

Такое же философское восприятие времени, утверждает П.Е. Астафьевым, который в введение к фундаментальной монографии «Вера и знание в единстве мировоззрения» пишет, что сознательная, непосредственно знающая о себе как деятельности, проходящая разные положения, воля *eo ipso* дифференцирует, различает эти проходимые ею последовательно положения, моменты своей деятельности и в сознании своего акта, и в самом акте. Это дифференцирование означает, что волевая направленность нашего самосознания и оно само, из внутреннего опыта полагает идеально и реально пространство и время, даже если бы их не существовало до и вне сознательной деятельности ни реально, ни идеально.

⁷ Козлов А.А. Густав Тейхмюллер/А.А. Козлов// Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 5 (25). С. 671

Поэтому еще одно понимание времени, как мы выявляем в статье, связано с метафизической проблематикой ограничения нашего видимого мира пространством и временем. И если существует психическая координация внутри нашего сознания, если существует координация личностей в человеческом мире, то почему не должна существовать координация духовных субстанций внутри личностей с трансцендентным миром и Богом.

Вывод наш заключается в том, что время в метафизическом значении своего предназначения в мироздании символически указывает на трансцендентный безвременный мир, – вечность.

Список литературы

1. Козлов А.А. Объяснение с П.Е. Астафьевым// Свое Слово. Киев, 1889. № 2 .С. 139-153.
2. Бобров Е.А. Бытие индивидуальное и бытие координальное. Юрьев. Печатано в типографии Германа, 1900. 164 с.
3. Блаженный Августин. Исповедь. М.: Изд-во: Сретенского монастыря, 2006. 320 с.
4. Козлов А.А. Беседы с Петербургским Сократом. Беседа седьмая (понятие времени)//Свое Слово. Киев, 1890. № 3. С. 7-22.
5. Козлов А.А. Густав Тейхмюллер// Вопросы философии и психологии М.: 1894. Кн. 4 (24). С. 523-536. Кн. 5 (25). С. 661-681.

THE PROBLEM OF TIME IN THE PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF P.E. ASTAFIEV AND A.A. KOZLOV

D. A. REPIN¹⁾
S.E. YURKOV²⁾

Tula State University

¹⁾*e-mail repin.dmitrij@mail.ru*

²⁾*e-mail: serg45@inbox.ru*

In the article describes problem of time as a form subjective thinking. There is a degree of German metaphysic personalistic Gustav Teich- mouller on philosophy personalizm P.E. Astafieva and A.A. Kozlov in the question. It is a proved that idea of the time, not only to our identity, but it is a particular kind coordination of onto-gnoseological experience between subject and object.

Key words: substance, time, space, separability, determination spiritual substance, The Highest Essens.